

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОЦЕНКИ
РАСХОЖДЕНИЙ МЕЖДУ ДОСТОЕВСКИМ И БЕЛИНСКИМ

А. Дуккон

Исследователей литературы уже давно занимает история дружбы и расхождений между Белинским и Достоевским, однако все еще есть такие точки зрения, с которых этот вопрос еще не освещался. В большинстве случаев в работах, написанных на эту тему, анализируются лишь расхождения во взглядах двух писателей, и в связи с этим как бы "вершится суд" над ними, или в некоторых работах авторы касаются вопросов дружбы и расхождений как боковой линии, наряду с анализом других проблем. Поэтому в данных работах влияние критика Белинского на Достоевского является проблемой только количественного характера, поскольку решение этого вопроса дается как сумма определенных взглядов и мотивов. Исследование переписки Белинского и Достоевского предлагает другой подход к этой проблематике, суть которого заключается в раскрытии тех важнейших точек соприкосновения, которые связывают "поток писем" Белинского с "потоком романов" Достоевского. Мы не случайно воспользовались терминами "поток писем" и "поток романов": этим мы хотели бы подчеркнуть аналогичный характер письменных высказываний двух писателей. Страстные, часто многоречивые исповедания и полемии Белинского напоминают монологи отдельных героев Достоевского /Человека из подполья, Раскольникова, Ивана Карамазова/. Кроме того, мы хотели бы указать еще на более важную связь между двумя писателями, которая раскрывается при анализе проблемы отношения Белинского к идеям, поскольку в этом вопросе также обнаруживается схожая позиция двух писателей. Приступая к анализу вышеупомянутой проблематики, мы хотели бы рассмотреть некоторые работы, результаты и ошибки которых продвинули бы нас вперед в исследовании этого вопроса.

В книге В. Кирпотина "Достоевский и Белинский"¹ дается подробный анализ влияния и видоизменения образа и идей Белинского в творчестве Достоевского, но с аргументацией автора мы полностью не можем согласиться, потому что он использует литературу для освещения данной проблематики /переписка Белинского и Достоевского, мемуары современников и автобиографии/, лишь в той мере, в которой она не мешает его концепции. В вводной части книги, а также в последующих главах перед читателем рисуется картина, создающая впечатление, что все положительные идеи в творчестве Достоевского исходили от Белинского, и что в дальнейшем эти идеи Достоевским отрицались и искажались. Мы не можем быть удовлетворены оценкой Кирпотина о скрытой или открытой враждебности против Белинского, отражающейся в романах Достоевского, потому что анализы автора, направленные на раскрытие образа Достоевского, т.е. его намерения становятся в конечном итоге осуждением писателя. В письмах и записках Достоевского можно обнаружить более сложный и утонченный ход мыслей: читая письма и записки, мы можем стать свидетелями длительного процесса созревания, в котором сыграли важную роль кроме намерения и воли писателя еще многие другие факторы. В период возникновения романа "Бесы" образ Белинского уже становится окончательно отрицательным, о чем свидетельствуют и письма и "Дневник писателя". В оценке Кирпотина этот факт воспринимается с прежними эмоциями и поверхностно, без исследования причин, скрывающихся более глубоко:

"Он преодолевает остаток внутренней стыдливости по отношению к Белинскому", возводит на него самую страшную хулу. И тем не менее Достоевский не может и здесь освободиться от памяти, от имени Белинского, от внутренней ответственности перед ним. Достоевский все время озирается на Белин-

¹ В. Кирпотин. Достоевский и Белинский. 2-ое изд. М., 1976.

ского. Непокойная совесть, сознающая свою измену, доводит его до настоящих пароксизмов злобы и клеветы"².

Чтобы реально оценить историю становления вражды между Белинским и Достоевским, мы должны отречься от общепринятого мнения, согласно которому только один Белинский был духовным вождем русской интеллигенции 1840-х годов. Сам Белинский до конца жизни часто упоминает кружок Станкевича, духовное влияние которого он считал особенно важным /этот кружок также сыграл важную роль в духовной жизни Бакунина и Грановского/. В этом кружке Белинский, не читающий на немецком языке, познакомился с произведениями Шеллинга, Гегеля, Шиллера и Фихте и с их толкованием. Здесь талантливый, прекрасно владеющий пером молодой критик познакомился с философскими течениями и с духовными исканиями современности. Позднее, в 1840-е годы, во время наибольшего признания его авторитета как критика, сам Белинский тоже становится центром дружеского объединения, обладающего все более и более значительным радиусом действия - но за Белинским следуют не только из-за обаяния его идей, сколько под влиянием его личности. Белинский - человек по натуре страстный, не принимающий компромиссов - скоро заставляет окружающих его людей сделать выбор и занять определенную позицию: приверженность писателя к русской литературе, служение ей разделили его окружение на воодушевленных почитателей или на ярых врагов. Даже наилучшие друзья Белинского встречали философский энтузиазм и впадающую из одной крайности в другую восторженность молодого критика порою или с понимающей улыбкой, или с упреками и с осторожным ожиданием. В. Боткин в своем письме к Станкевичу пишет о Белинском следующее:

"Виссарион отделившись от старого, опять пошел в службу по части сильных ощущений. Беда с ним! Он с жизнью хочет

² В. Кирпотин, стр. 150.

обращаться, как с своим Иваном, и сердится, что она не слушается его"³.

Разочарования в своих увлечениях сделали более осторожным и самого Белинского: в середине 1840-х годов книга Макса Стирнера /"Der Einzige und sein Eigentum" / оказала на него значительное влияние, но взгляды на философию Стирнера и в сущности правильные выводы не отразились в работах Белинского. Об этом "увлечении" свидетельствуют лишь его письма и воспоминание П. Анненкова:

"Этот беглый, поверхностный очерк размышлений Белинского по поводу книги Стирнера показывает, что последняя его моральная проповедь уже основывалась на действии тех враждебных психических сил человека, которые впоследствии были подробно исследованы и получили название альтруистических. Белинский предупредил несколькими годами анализ психологов, но, конечно, не мог дать его в надлежащей чистоте и определенности, что, вероятно, помешало и изложению его взглядов в печати, где от них не находится никакого следа. Он уже боялся прямого, непосредственного философствования, и не хотел к нему возвращаться после своих старых опытов на этом поприще"⁴. Кирпотин в своей работе также упоминает книгу Макса Стирнера, поскольку с взглядами Стирнера полемизирует и Достоевский; исследователь даже связывает идею, занимающую Раскольникова, с этой книгой, но Кирпотин не указывает на то, в какой мере идеи Стирнера влияли на Белинского. Таким образом, в освещении этой проблематики у Кирпотина также отсутствует одно важное связующее звено, одно совершенно конкретное дополнение к полемике Достоевского и Белинского. Исследованию более глубинных причин этой полемики пре-

³ Письмо В. Боткина к Н. Станкевичу, 13.12.1838. Литературное наследство, т. 56, М., 1950, стр. 305.

⁴ П.В. Анненков. Литературные воспоминания /Замечательное десятилетие/ СПб., 1909, стр. 346.

пятствует у Кирпотина и другая методологическая ошибка: Кирпотин анализирует только творчество Достоевского как "подвижную систему" - т.е. прослеживает стадии его творческого развития. Творчество же Белинского Кирпотин воспринимает как "статическую систему", согласно которой у Белинского уже с самого начала дан тот готовый, стабильный мир идей, который могли унаследовать от него революционные демократы /Чернышевский, Добролюбов/. Переписка Белинского доказывает именно обратное. Белинский в течение десяти лет "странствует" по следующим философиям: 1. Он восхищается в середине 1830-х годов учением Шеллинга, пишет об этом своему двоюродному брату Д.П. Иванову в длинных письмах, в которых развертывает сущность шеллинговского учения в романтических тонах. 2. Затем следует период увлечения философией Гегеля, и параллельно с этим - под влиянием Станкевича-увлечение Евангелием от Иоанна, которое также с восхищением читают другие члены кружка. Шиллера же Белинский не признает. 3. В конце 1830-х годов /после смерти Станкевича/ Белинский разочаровывается в философии Гегеля, заканчивается период философского оптимизма, он захвачен учением французских социалистов-утопистов. В это же время положительно оценивает Шиллера, ему кажется, что теперь он понял по-настоящему этические воззрения великого поэта, его взгляды на свободу. 4. Около 1840-х годов он уже разочаровался в социалистах, точнее, осознает, что в их взглядах он также не нашел того, чего так страстно искал. Об этом Белинский пишет Боткину: "Я без ума от Литтре, именно потому, что он равно не принадлежит ни ... подлецам и ворам - умникам "Journal des Débats" и "Revue de Deux Mondes", ни ... социалистам, этим насекомым, вылупившимся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо. Кстати: в "Journal de France" я прочел отрывок из первого тома "Истории революции" Луи Блана. Это его суждение о Вольтере. Святители -

что за узколобие! Да это Шевырев! Все, что говорит Луи Блан в порицание Вольтера, справедливо, да глупо то, что он не судит о нем, а осуждает его; и притом, как нашего современника, как сотрудника "Journal des Débats". Я в первый раз понял всю гадость и пошлость духа партий /от 6-го февраля 1847 г./⁵.

В последние годы своей жизни, когда усилилась его болезнь, страстная борьба с идеями у Белинского превращается в некое горько-мудрое созерцание, остаток своей жизненной энергии он обращает на изучение литературной жизни, хотя критик уже чувствует, что он остался одиноким, и даже не осуществил своего призвания. Об этом периоде жизни Белинского вспоминает Анненков:

"Белинский становился одиноким посреди собственной партии, несмотря на журнал, основанный во имя его, и первым симптомом выхода из ее рядов явилось у него утрата всех старых антипатий, за которые еще крепко держались его последователи, как за средство сообщать вид стойкости и энергии своим убеждениям. Он уже до того удалился от кружковского настроения, что получил возможность быть справедливым и, наконец, упразднил в себе все закоренелые, почти обязательные ненависти, которые считались и литературным и политическим долгом"⁶.

О взаимоотношениях между Достоевским и Белинским пишется больше всего в тех работах, которые исследуют в первую очередь отражение в произведениях Достоевского шиллеровского влияния. Мы можем выделить из специальной литературы в хронологическом порядке три наиболее пространных работы, которые подчеркивают, что шиллеровское влияние нельзя исследовать на основании наличия и поверхностного сходства отдель-

⁵ В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений в 12 т., т. 12-я, М., 1956, стр. 323.

⁶ П.В. Анненков, стр. 343.

ных мотивов, а надо подойти к этой проблематике более глубоко, принимая во внимание художественное мышление писателя в целом. В этом плане в данных работах говорится и о Белинском. Д. Чижевский в своей статье, написанной в 1929 году⁷, пишет о необходимости целостного подхода в разработке данной проблематики, и как бы совершает первый шаг на намеченном пути, анализируя реминисценции из Шиллера, отражающиеся в романе Достоевского "Братья Карамазовы". В вводной части статьи Чижевский пишет о формировании взглядов русской интеллигенции XIX века на творчество Шиллера, ссылаясь также на Белинского, но в своем анализе не разворачивает эту проблематику, несмотря на то, что в сущности, именно в романе "Братья Карамазовы" становится ясным, что в оценке Достоевским Шиллера значительную роль играет, хотя и не всегда сознательно, память о Белинском. Возможно, что точка зрения Чижевского уже заранее была предопределена тем, что имя Белинского все более и более связывалось с революционными демократами, и из его многостороннего и интересного литературного и духовного наследия были извлечены т.н. идеи, которые были менее оригинальными, чем его творчество в целом. Поэтому неудивительно, что Чижевский в своей позднейшей работе "Гегель в России"⁸, в разработке истории русского гегелианства низлагает Белинского, и таким образом впадает из одной крайности в другую. Чижевский полагает, что настоящее значение и сила Белинского заключается в его стиле и языке, а не в его "философии" - в частности это верно, но не в полной мере, как это подчеркивается у Чижевского. В случае Белинского следует перенести

⁷ D. Cyzevskij. Schiller und die Brüder Karamazov. Zeitschrift für Slavische Philologie, Band VI, 1929, S. 1-42.

⁸ Д. Чижевский. Гегель в России. Париж, 1939.

акцент с объекта на субъект: из его писем выясняется, как он быстро и страстно овладевает почти всеми популярными идеями эпохи, чтобы потом полностью отречься от них, поскольку Белинский ищет у каждого философа своего спасения и блага. Его запросы и желания всегда оставались неудовлетворенными ввиду ряда разочарований, которые все быстрее и мучительнее следовали друг за другом. Настоящее величие Белинского отражается именно в этих страстных поисках истины и в желании достигнуть совершенства. Он отдает всю свою жизнь этим непрерывным поискам, потому что не может и не хочет принять те программы, которые дают только частичную истину или самооправдание. В полемике Белинского с Михаилом Бакунинным также выдвигается на первый план стремление к полноте истины, которое уже много раз подчеркивалось им, и критик все сильнее и сознательнее чувствует оправданность своего духовного запроса.

"Когда же и я оденусь в одежду светлую и нетленную? /.../ Ведь все что ни есть, есть вследствие законов необходимости и должно быть так, как есть? Но для чего ж я знаю настоящую истину? Разве она должна освободить меня? /курсив наш - А.Д./ Черт знает, что такое! Вот уже именно такое, что только наплевать на него да и бросить". /21 ноября 1837./⁹

В другом письме Белинский вновь объясняет Бакунину, волюнтаристу, бесчувственному к личной и внутренней ценности человека, различие в их взглядах:

"Я знаю, что должно стремиться к освобождению от субъективности, к абсолютной истине; но что же мне делать, когда для меня истина существует не в знании, не в науке, а в жизни? /.../ /курсив наш - А.Д./ Ты сообщил мне фихтеанский взгляд на жизнь - я уцепился за него с энергиею, с фанатизмом, но то ли это было для меня, что для тебя? Для тебя это было переход от Канта, переход естественный, логический; а я - мне захотелось написать статейку - рецензию на Дроздова,

⁹ Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 222.

и для этого запастись идеями /курсив наш - А.Д./. Я хотел, чтобы статья была хороша - и вот вся тут история. /13-15 августа 1838./¹⁰

Немецкий исследователь данной проблематики А. Раммельмейер кроме проведения параллелей между творчеством Достоевского и Шиллера, исследует и сходство во взглядах Белинского и Шиллера, добавляя много значительного к изучению в специальной литературе этого вопроса¹¹. В соответствии со своей целью Раммельмейер опирается в первую очередь на исследования, связанные с романами и письмами Достоевского, письма же Белинского он принимает во внимание в меньшей мере. Несмотря на это, Раммельмейер принадлежит к тому меньшинству исследователей, которые пытаются объяснить противоположную позицию Достоевского и Белинского на основе их переписки. Для нас особенно важными являются два замечания Раммельмейера по поводу творчества Белинского и русского "гуманизма", а также по поводу связи образа Белинского с "Великим Инквизитором". Анализируя последствия разочарования Белинского в философии Гегеля, Раммельмейер приходит к следующим выводам:

"Hier stehen wir wirklich am Quellpunkt des eigenartigen russischen "Humanismus". Mit aller Schroffheit wird zunächst von Belinskij die menschliche Einzelpersönlichkeit in dem Mittelpunkt des Denkens gestellt und zum Mass aller Dinge erhoben"¹².

Мы считаем, что соединение специфического русского "гуманизма" с русской литературой XIX века на базе вышеупомянутого круга вопросов является значительным результатом в обла-

¹⁰ Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 271-272.

¹¹ А. Rammelmeyer. Dosztojewkijs Begegnung mit Belinskij /Zur Deutung der Gedankenwelt Ivan Karamazows/, Zeitschrift für Slavische Philologie, Heidelberg, 1951. H. 21, I-II. Teile.

¹² Rammelmeyer. S. 273.

ти исследований по русистике. Раммелмейер, анализируя видоизменения, литературные метаморфозы "русского восприятия" Шиллера, обращает внимание и на оригинальность реципиента, поскольку т.н. литературное влияние толкуется совершенно иначе в русской культуре XIX века, чем в XVIII веке. В культуре XVIII века литературное влияние означало скорее подражание, чем оплодотворяющие порывы, как в XIX веке. Раммелмейер не первый обращает внимание на этот вопрос. В работах Бердяева и Яковенко уже в 1920-е, 1930-е годы выдвигается на первый план стремление, согласно которому при изучении русской культуры вырабатываются другие категории, чем при изучении западно-европейской культуры¹³. Значение работы Раммелмейера заключается в том, что на фоне филологического раскрытия одного частного вопроса, он обращает внимание и на эти глубинные соотношения. Другая важная плодотворная мысль статьи Раммелмейера связана с тем, что исследователь узнает в "Великом Инквизиторе" Белинского, конечно, в характерном для Достоевского освещении. Но исследуя этот вопрос, Раммелмейер не указывает на то, в какой мере отошел Достоевский от реального образа Белинского при создании своего Инквизитора. У Достоевского исходным пунктом всегда служит некий факт, в данном случае следующий: ненависть к гегелевской категории "Всеобщего" приводит Белинского к крайним выводам. Он переживает и объясняет людские слабости также в крайностных формах и полагает, что человека надо насильственно заставить добиваться своего счастья:

"К тому же, воспитание всегда делает нас или выше или ниже нашей натуры, да сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без на-

¹³ Н. Бердяев. Царство Божие и царство кесаря. Путь 1925/1.
В. Jakovenko. Untersuchungen zur Geschichte des Hegelianismus in Russland. Parts 1-4. Prague, 1938-39.

сильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. /курсив наш - А.Д./. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов. К тому же: fiat justitia - pereat mundus!" /Письмо к Боткину от 8 сентября 1841 г./¹⁴

В этом письме остается все же гегелевская схема, лишь объясненная в другой терминологии и с переносом акцента на противоположную крайность. У Гегеля "всеобщее" угрожает личности уничтожением, у Белинского эта же мысль выражает следующее: пусть течет кровь тысяч в интересах миллионов, массы. Интересно отметить, что в других своих письмах Белинский и в дальнейшем не перестает провозглашать святость личности. Считавший себя эмпириком критик не мог избежать этого противоречия: он был прав со своей точки зрения потому, что на уровне личных переживаний эмпирической истиной являются как процесс разворачивания самосознания личности, так и власть внеличностных сил /"всеобщее", необходимость/ над человеком. Это противоречие каждый человек должен сам себе уяснить. При чтении страстных высказываний Белинского перед нами встанут архетипы трех образов из романов Достоевского, наслаивающихся друг на друга.

1. В устах "Человека из подполья" теза "fiat justitia pereat mundus", доведенная до крайностного эгоизма, может прозвучать и так: "Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить"¹⁵.

2. Толкование идеи "социальности", оправдание "сверхчеловека", управляющего большинством и способствующего его просвещению, напоминает идею, занимающую Раскольникова и мотивацию убийства.

¹⁴ Белинский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 71.

¹⁵ Ф. Достоевский. Записки из подполья. Полн. собр. соч. в 30- томах, т. 5, стр. 174.

3. Нетерпение, стремление к окончательному решению вопроса о бытии и счастье, напоминает стремление "Великого Инквизитора". "Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью". Раммелмейер в своей работе правильно указывает на связь между идеями письма Белинского к Боткину и образом "Великого Инквизитора" в романе Достоевского.

"Dabei ist es eine geniale Ironie, das Belinskijs Ideen in die Gestalt des Grossinquisitors, das von Belinskij mit allem Kräften seiner unduldsamen Seele gehassten Katholizismus gebannt werden"¹⁶.

По мнению Лидии Гинзбург, эта "социальность" не может конфронтироваться с идеей личности:

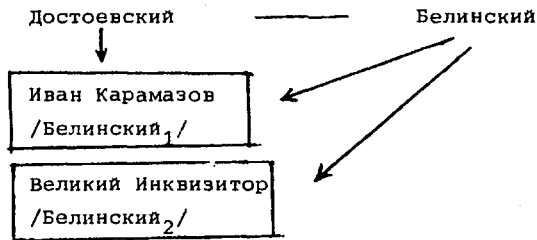
Ведь теперь речь идет о новом, социальном понимании личности, - и о личности избранной или уединенной, но о каждой личности и обо всех личностях вместе взятых"¹⁷. Конечно, это соединение у Гинзбург не слишком удачно, поскольку именно в этой точке соприкосновения "идея" Раскольникова потенциально переходит у Белинского в "идею" Великого Инквизитора. Раскольников совершает свой эксперимент с позиции индивидуума, таким образом его поступок остается лишь частным начинанием, теряющим свой демонический характер. Великий Инквизитор уже ни в чем не сомневается, у него нет и угрызений совести. Его даже не волнует вопрос о законности его цели, об открытом испытании его призвания перед народом, который он хочет осчастливить. Остается открытым и в дальнейшем тот поднятый Гинзбург вопрос; - мы имеем в виду и путь от формирования "страсти" Белинского до разыгрывания ее возможностей в романах Достоевского - кому подвластны "все личности вместе взятые", и вопрос о том, может ли сама личность, интересы которой представлял Белинский от души и с полным убеждением, остаться свободной

¹⁶ Rammelmeyer. S. 287.

¹⁷ Лидия Гинзбург. О психологической прозе. Ленинград, 1977, стр. 103.

в той ситуации, когда уже кто-то заранее сделал вместо нее выбор в интересах ее счастья. В ходе истории почти каждая власть выступала на авансцену с программой осуществления "всеобщего добра" - и поэтому не случайно, что в романе Достоевского Великий Инквизитор не носит конкретного имени. Его личность сливается с его функцией и с его "призванием".

Раскрытое Раммелмейером соотношение между идеями Белинского и идеями, занимающие Ивана Карамазова, и Великого Инквизитора, можно иллюстрировать с помощью следующей схемы:

Принимая во внимание эту цепь связей, мы можем заключить, что не реальная личность Белинского играет первостепенную роль в художественном сознании Достоевского, а вариации в сознании писателя на идеи критика, которые чаще всего упоминались в связи с его именем. Не меняет дела и тот факт, что во время возникновения романа "Братья Карамазовы" Достоевский мог знать переписку Белинского, изданную Пипиным в 1875 году вместе с автобиографией, составленной на основании этих писем. Достоевский наделяет аналогичными идеями не только одного героя именно потому, что с одной стороны из "мира" Белинского можно черпать очень богатый материал, а с другой - для Достоевского не является однозначным литературное наследство Белинского. Поэтому у Достоевского возможны и драматическое /Иван Карамазов/ и сатирическое заостренное /Великий Инквизитор/ этого литера-

турного и духовного наследства.

Александра Х.Лингстад в своей монографии "Dostoevskij and Schiller"¹⁸ продолжает ход мыслей Раммелмейера, связанный с аналогией между идеями Белинского и идеями, занимающими Великого Инквизитора. Лингстад подробнее анализирует периоды "шиллерианства" Белинского, чем другие исследователи. Она считает особенно важным тот факт, что стихотворение Шиллера "Resignation" долгое время и глубоко занимало Белинского, который впервые в письме от 29 сентября 1839 года пишет об этом Станкевичу, мучаясь противоречием индивидуального и общего, а затем в письме от 1 марта 1841 года к Боткину заново возвращается к этой проблематике. Само слово "Resignation" и связанные с ним ассоциации часто встречаются и в дальнейшем в письмах Белинского. Надо отметить, что при исследовании изменений в понимании Шиллера Достоевским, мы должны принимать во внимание изменение восприятия Шиллера и у Белинского. Лингстад утверждает, что идеи Шиллера глубоко укоренились в сознании Достоевского, что писатель не полемизировал с Шиллером даже в то время, когда он уже преодолел их. Скорее Достоевский вносит свой вклад в наследие Шиллера, обращаясь к религии, которая в достаточной мере не занимала немецкого поэта. В этом пункте различаются отношения Белинского и Достоевского к идеям великого поэта. В период увлечения идеями Шиллера как Достоевский, так и Белинский проходят путь от пафоса абстрактного гуманизма до пафоса индивидуальной свободы, но Белинский не идет дальше шиллеровского фаталистического /демонического/ понимания свободы, согласно которому, человек находится под властью необходимости /рока/, но его воля остается свободной. Восприятие в таком духе необходимости у Белинского сходится с гегелевской идеей "Allgemeine", которую Бе-

¹⁸ Alexandra H. Lyngstad. Dostoevskij and Schiller. Mouton, 1975. The Hague. Paris.

линский назвал Молохом, "палачом бедной человеческой личности". Критик, размышляя над вопросами о дисгармоничности человеческой природы и об отношениях свободы и необходимости, пишет Боткину 13 марта 1841 года: "Мы все глупы, думая, что мы можем быть правы или виноваты: мы только получаем награды и наказания, а делает за нас судьба."¹⁹ Если нам не были бы известны продолжение этого письма и другие мысли Белинского, связанные с данной темой, то на основании этого высказывания можно было бы считать Белинского фаталистом. В жизни Белинского были тяжелые периоды, когда он не верил даже в "роковую" свободу, и в этот же период он увлекся идеями французских социалистов-утопистов. Достоевский, создавая образ Великого Инквизитора, доводит до апокалиптических размеров возможность той опасности, которую может представлять собой вождь народа, потерявший веру и заменивший свободу своеволием. Мы должны еще раз подчеркнуть, что здесь идет речь не о личности Белинского, а об определенных видоизменениях его идей, интенсивно развивающихся и меняющихся, как и все общественные вопросы в 1860-х и 1870-х годах.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что постоянное присутствие образа Белинского в мире Достоевского не является только художественной реакцией на одну упрощенную личную вражду, и не является только связью, которую можно анализировать в свете литературных традиций и общих духовных "предков" /Шиллер/. В жизни и в мышлении Белинского идея играет определяющую роль: он доводит ее до крайности, чтобы дойти до сути определенного философского учения. Это стремление он переносит и в сферу своей личной жизни, ведь для Белинского неотделимы друг от друга жизнь и мышление, кризис в одной сфере сразу же отражается в другой. Это внутреннее движение осуществляется у Белинского всегда в одной неизменной структуре "за и против", со-

¹⁹ Белинский. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 32.

гласно терминологии Л. Гинзбург-в полярности "самоутверждения и самоосуждения"²⁰. Отсюда вытекают и чувство скованности и осознание одиночества у критика, которые трагически отражаются в его последних письмах. Душу Достоевского также терзает сходная, влекущая за собой крайности тревога, и в поведении Белинского и Достоевского можно обнаружить некое внутреннее сходство двух духовных обликов. Достоевский в своем письме к Аполлону Майкову 1867 года характеризует себя: "Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил."²¹ Таким ощущает себя писатель в действительности, в романах же дается именно критика этого поведения в рамках изображения соотношений между героями и идеями. В образе героя, находящегося лицом к лицу с крайностями и с препятствиями, сливаются внутренний опыт писателя и актуальный в данный момент вариант образа Белинского. Поэтому анализ, основанный на методе, согласно которому заново отыскиваются "составные части" образа героев Достоевского, и таким образом доказывается влияние Белинского на писателя, оказывается несостоятельным. Достоевский верно почувствовал самую сущность личности Белинского: "Это была самая восторженная личность из всех встречавшихся в жизни."²² То, что у Достоевского именно эта "восторженность" вызывала сочувствие, показано писателем в образах героев аналогичного душевного склада. Достоевский изображает этот тип человека в разных аспектах, начиная с иронии и заканчивая трагической тональностью. При чтении писем Белинского возникает чувство, что здесь как бы мы можем проследить и "в жизни" возникновение, колебание и исчезновение тех "голосов", которые выкристаллизовываются в произведениях Достоевского как литературные персонажи. Мы хотели бы указать еще на один интересный аспект в изучении вопроса о вражде

²⁰ Лидия Гинзбург, стр. 78-79.

²¹ Ф. Достоевский. Письмо к А. Майкову, 16/28 авг. 1867. Достоевский. Письма. т. 2 под ред. А.С. Долинина. М.-Л., 1930, стр. 31.

²² Ф. Достоевский. Старые люди. Дневник писателя. 1873. Полн. собр. соч. в 30-и томах, т. 21. М., 1980, стр. 8.

между Достоевским и Белинским на основании писем: когда мы читаем все письма Белинского перед нами вырисовывается образ "homo ethicus". Об этом Белинский пишет Боткину: "Мне теперь ни до кого нет дела, я никого не люблю, ни в ком не принимаю участия, - потому что для меня настало такое время, когда я увидел ясно, что или мне надо стать тем, чем я должен быть, или отказаться от претензии на всякую жизнь, на всякое счастье."²³ Именно в этом пункте расходятся внутренние пути Достоевского и Белинского: Белинский остается в рамках "этической сферы", Достоевский идет дальше, к "сфере религиозной". Цитированное выше письмо написано как бы в духе Киркегора. Датский философ пишет о процессе перехода к этической сфере: "В эту минуту кругом воцаряется тишина, подобная величавому безмолвию звездной ночи, душа остается наедине сама с собой, уединяется от всего мира и созерцает в отверженных небесах - не великий человеческий образ, но нечто высшее, недоступное обыкновенному взору смертного, созерцает самое Вечную Силу, животворящую все и вся, личность же в эту минуту выбирает, или вернее определяет себя. Эту минуту можно сравнить с торжественной минутой посвящения оруженосца в рыцари, - душа человека как бы получает удар свыше, облагораживается и делается достойной вечности. И удар этот не изменяет человека, не превращает его в другое существо, но лишь пробуждает и конденсирует его сознание и этим заставляет человека стать самим собой."²⁴

Этот же выбор у Белинского носит более трагический и неопределенный характер, он ориентировался в этом направлении инстинктивно, поэтому всю жизнь его преследуют смятение, постоянные поиски, порою отречение, и наконец бунт. Употребляя терминологию Киркегора и в случае Белинского и в случае Достоевского, можно выделить у них т.н. "эстетическую стадию" /ро-

²³ Белинский. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 416.

²⁴ Серен Киркегор. Наслаждение и долг. СПб., 1894. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал. стр. 247-248.

мантическая воодушевленность, интенсивная внутренняя жизнь, повышенное осознание значимости собственного "я"/; позднее оба переживают "этическую стадию" /стремление "стать самим собой" - например, осознание Достоевским своих сибирских переживаний, формирующее его личность влияние страдания из-за несправедливого наказания/. Достоевский на этом не останавливается, порывы ведут его дальше, в сферу веры, в религиозную сферу. Этот выбор Достоевского только ценой тяжелых усилий превращается в твердое решение, в очищение. Здесь еще присутствуют "люди" других стадий, прежние двойники писателя. Поэтому он не может избавиться и от образа Белинского, так как этот образ воспроизводит те "личностные наслоения", которые хотя уже отвергнуты писателем, но не полностью изжиты в его художественном мире. Поэтому нам кажется верным и справедливым замечание А.С. Долинина о характере отношений между Достоевским и Белинским: "Двойник, его преследующий всю жизнь, вросший в его сердце неотрывными краями - таков Белинский для Достоевского"²⁵. Всеобъемлющий анализ этой связи и исследование круга проблем, связанных с двойничеством, являются уже темой другого анализа и выходят за рамки данной статьи.

²⁵ Ф. Достоевский. Письма. т. 2. М.-Л., 1930. Предисловие А.С. Долинина, стр. 10.